

В клубе «Только стихия, только поэзия»

13 февраля 2013 года

Собрались в 399 раз!!!!

Мирочник Виктор рассказал о поэтах и прочитал стихи тех, которые родились 13 февраля.

Гнедич Николай Иванович [13 февраля 1784, Полтава — 15 февраля 1833, Петербург], русский поэт, член-корреспондент Петербургской АН (1826). Переводил произведения Ф. Шиллера, Вольтера, У. Шекспира. В 1829 опубликовал перевод «Илиады» Гомера.

Родители его, небогатые потомки старинного дворянского рода, рано умерли - и уже в детстве поэт познал одиночество, ставшее уделом всей его жизни. В детстве же Гнедича посетила оспа и не только изуродовала его лицо, но лишила правого глаза. Всё это оставило на характере поэта печать замкнутости, и если он не очерствел в эгоистической печали, то лишь благодаря врождённой энергии и рано пробудившейся любви к умственному труду.

Шестнадцати лет поступил он в Московский университет, где пробыл три года. Здесь он основательно ознакомился с латинской и греческой литературой, пристрастился к Шекспиру и Шиллеру и обнаружил большой декламаторский талант, играя на сцене университетского театра. Переезжая из Москвы в Петербург для приискания места, Гнедич успел издать две переводных

трагедии («Абюфар» Дюсиса, и «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера) и один оригинальный роман из испанской жизни, исполненный чудовищных злодейств и приключений.

Дума

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:
В путь жизни пошёл одинок;
Прошёл одинок его - тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток!
1832

Крылов Иван Андреевич [**13 февраля 1769, Москва - 21 ноября 1844, Петербург**], русский писатель, баснописец, академик Петербургской АН (1841). Издавал сатирические журналы «Почта духов» (1789) и другие. Писал трагедии и комедии, оперные либретто. В 1809-1843 гг. создал более 200 басен, проникнутых демократическим духом, отличающихся сатирической остротой, ярким и метким языком. В них обличались общественные и человеческие пороки. Н. В. Гоголь назвал басни Крылова «... книгой мудрости самого народа».

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? -
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, -
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!»
«Не радуйся, мой свет, -
Ей Крыса говорит в ответ, -
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»
Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,

То думает, что натого
Весь свет глядит его глазами.
1816

Шаферан Игорь Давыдович (13 февраля 1932, Одесса - 14 марта 1994, Москва)

Стихи начал писать ещё в школе. Механиком плавал на китобойной флотилии «Слава». Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1960 году, семинар поэта **М. А. Светлова**. Учась в институте, написал вместе с композитором Э. С. Колмановским свою первую песню «Береговые огоньки». Песня Шаферана **«Мальчишки, мальчишки»** на музыку А. И. Островского, впервые исполненная И. Кобзоном в Колонном зале Дома Союзов в Москве, стала своеобразным эпиграфом ко всему творческому пути поэта. Песни на стихи Шаферана сочетают искреннюю поэтическую приподнятость и мудрую афористичность, глубокое лирическое начало в сочетании с гражданственностью и яркую эмоциональность. Многие песни («***Мальчишки***», «Для тебя», «Эх, сколько видано», «И всё-таки море», «***Журавлёнок***», «Наши мамы», «***Ромашки спрятались***», «***Белый танец***», «Красно солнышко» и др.) настолько полюбились нашим соотечественникам, что как бы утратили авторство и стали народными. Песня «Гляжу в озера синие» предлагалась даже как вариант нового государственного гимна.

С Игорем Шафераном работали такие композиторы, как: Давид Тухманов, Евгений Птичкин, Валерий Петров, Людмила Лядова, Павел Аедоницкий, Оскар Фельцман, Марк Фрадкин, Вячеслав Добрынин, Юрий Антонов, Аркадий Островский, Эдуард Колмановский, Виктория Филатова, Леонид Афанасьев, Алексей Мажуков, Игорь Якушенко, Евгений Крылатов, Ян Френкель, Михаил Чуев, Марк Минков, Борис Терентьев, Вадим Гамалея, Евгений Мартынов, Сергей Томин, Георгий Мовсесян, Юрий Левитин, Юрий Саульский, Раймонд Паулс, Владислав Казенин, Зиновий Бинкин, Владимир Мигуля и многие другие популярные и известные композиторы.

В свой репертуар песни на его стихи включали самые популярные и известные певцы бывшего Советского Союза и России, среди них: Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Михаил Чув, Муслим Магомаев, Людмила Зыкина, Валентина Толкунова, Вахтанг Кикабидзе, Ольга Воронец, Геннадий Белов, Валерий Ободзинский, Валерий Леонтьев, Юрий Гуляев, Майя Кристалинская, Владимир Романов, Александр Чепурной, Анна Герман и многие другие исполнители.

Шаферан - автор сборников «Слушай сердце!» (1971), «Красно солнышко» (1973), «Для тебя» (1985) и др.

Лауреат Всесоюзных и Всероссийских конкурсов песни.

* * *

Ромашки спрятались, поникли лютики,
Когда застыла я от горьких слов.
Зачем вы, девочки, красивых любите? -
Непостоянная у них любовь.
Сняла решительно пиджак наброшенный, -
Казаться гордою хватило сил.
Ему сказала я : «Всего хорошего!»
А он прощения не попросил.
Ромашки сорваны, завяли лютики,
Вода холодная в реке рябит...
Зачем вы, девочки, красивых любите? -
Одни страдания от той любви.
?

10 февраля отмечался день памяти Пушкина. Он умер в этот день.

Мирочник Виктор прочёл его афоризмы:

"Презирать суд людей нетрудно, презирать суд собственный – невозможно".

"Злословие даже без доказательств оставляет поти вечные следы".

"Критики смешивают вдохновение с восторгом".

"Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?"

"Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности".

"Одна из причин жадности, с которой мы читаем записки великих людей, - наше самолюбие: мы рады, ежели сходим с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками - даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если бы они оставляли нам свои произведения".

"Переводчики - почтовые лошади просвещения".

"Зависть - сестра соревнования".

"Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения".

"Совесь - когтистый зверь, скребущий сердце".

"Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такой нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет смешную сторону энтузиазма и чувственности".

"Сладостное внимание женщин - почти единственная цель наших усилий".

"Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности исообразности".

"Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа".

"Я презираю свое Отечество с головы до ног, но если с этим соглашаются иностранцы, мне становится очень обидно".

"Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание".

Галина Феликсон прочла свои стихи и поэмы

КАИН

Поэма

Земля была пуста почти.
«Почти» - как это слово ёмко:
Поранит память острой кромкой,
Растает льдинкою в горсти.
Как будто есть и, вроде, нет.
Не отрицанье, не согласие.
Две капли горя в ложке счастья.
Немного – тьма, немного – свет.
Итак, земля почти пуста.
Её ещё никто не делит.
Нет ни борьбы, ни общих целей.
Леса густы. Вода чиста.
А сколько их – лесов и речек:
Не хватит пальцев, чтобы счесть.
– А брат...
– Что брат? Сегодня здесь,
Назавтра может быть далече.
Земля обширна и пуста
Почти. Иди, куда угодно.
Ты – человек вполне свободный.
Мир так велик. Вся красота
Тебе – земли первопроходцу
Подарком щедрым отдана.
Прими! Любишься! Пей до дна
Из жизни полного колодца.
– А брат?
– Да что ты всё о нём?
– Он здесь...

– Тебе какое дело?
Он здесь? Уйди! Ты сильный, смелый.
Ступай и выстрой новый дом.
В краю, где только ты да ветер,
Где много солнца и тепла
Живи без зависти и зла
Почти один на целом свете.
– Почти! И в этом слове – суть.
Оно, как мост меж расстояний.
И никакие расставанья
Покоя мне не принесут.
– Так возлюби его, смирись,
Раскрой ему свои объятья.
Вы не враги – родные братья.
От злобы яростной очнись!
– Ну да, мы братья – он и я.
И вот что душу мне корёжит:
Мы были с ним почти похожи.
Мы были с ним почти друзья.
Но как коварно естество!
Он – радость, ласка, притяженье.
А я – лишь брата отраженье,
Кривое зеркало его.
Опять проклятое «почти»
Лежит меж двух сердец границей.
Любить его? Бескрылой птице
Ты в силах приказать: «Взлети!»?
За что все блага – одному?
А мне хотя бы половину!
Ведь даже ты меня отринул,
Мой Бог! За что? Я не пойму.

II

Пылало поле. В небе красном
Плыл солнца глаз над головой.
А брат лежал почти живой –
Беспечный, юный и прекрасный.
Лежал в траве живой ... почти.
Лицо немного побледнело.
Душа ушла! Пустое тело
Не встанет на моём пути.
И не возьмёт с моей руки
Он винограда шарик жёлтый.
Теперь мы врозь! Я – жив, он мёртвый.
Мы друг от друга далеки.
Я, наконец, почти спокоен.

Тогда откуда боль и страх?
Дрожит рука, слеза в глазах,
И отчего так сердце ноет?
Вот он лежит – спокойный, тихий...
Теперь и сам я не пойму,
Зачем завидовал ему...
Бесшумно тают солнца блики.
И будет ночь. И день придёт.
Конец упрёкам и обманам.
Не застилает свет туманом
Горячей ненависти гнёт.
И снова в центре бытия
«Почти» - граница ли? Гробница?
Свет меркнет. Замолкают птицы.
Так кто же умер? Брат мой? Я?

III

Луна посеребрила тьму.
Лишь в рощах вьётся тень густая.
– Где брат твой, Каин?
– Я не знаю.
Давно не сторож я ему.
Смотри, я больше дня в пути.
Ушёл от отчего порога
По неизвестной мне дороге.
– Ты раньше не хотел идти.
– Ну, это было день назад.
– А что с тех пор переменялось?
– Не знаю...Что-то...
– Сделай милость,
Ответь мне, Каин, где твой брат?
Молчишь? Молчи... Я сам всё знаю.
– Зачем же мучаешь, скажи?
Не видишь – от лукавой лжи
Кричит душа моя больная.
А брат... Травой прикрыта плоть
В ближайшей роще под сосною.
Но он стоит передо мною
Живой! А я? Я мёртв, Господь!

IV

Столетия тянутся во мгле.
Нет ни приюта, ни покоя.
отторгло всё живое.
Я – вечный странник на Земле.
В зной мне и зябко и темно.
Земля не балует плодами.

Меня

Горька вода, и хлеб мой – камень,
И стало уксусом вино.
Был где-то дом. Была семья.
Исчезли прошлого обломки.
Вокруг одни мои потомки.
Кто мне они? И кто им я?
Моей рукой искривлен мир:
Закон Божественный нарушив,
Я в человеческие души
Убийства семя заложил.
Познал я после смерти брата,
Как много истин в жизни есть.
Обида, зависть, злоба, месть
И боль – за все грехи расплата.
Душа моя давно мертва.
В ней нет любви и состраданья.
Раскаянье и покаянье –
Вот всё, чем мысль ещё жива.
Мой длинный путь прервёт стрелой
Слепец – праправнук по рождению.
Но есть ли в смерти очищенье?
И даст ли мне Творец покой?

ШЛОМО

***Но оглянулся я на все дела
свои, что сделали руки мои, и на труды, что я
совершил, и вот всё суета и погоня за
ветром...***

Коэлет 2:11

Трещит светильника огонь.
Летучими мышами тени
Беззвучно кружат над постелью,
По стенам пляшут. Замер дом.
Ночная птица за окном
Поёт протяжно и устало.
Но, поглощённый тишиной,
Звук пропадает в тьме ночной,
Как тают снежные кристаллы
Под первым солнечным лучом.
И снова мысли ни о чём
И обо всём мне душу гложут,
Текут прозрачным ручейком,
Струятся сквозняком по коже.
Плывут химерные виденья
Песков, камней, сухих долин,

Полей, садов – мои владенья.
Здесь на земле я господин.
Дворец шумит при свете дня
Толпой восторженной, крикливой,
Дарами щедрыми звеня,
Речам внимая терпеливо.
Но гаснет жаркое светило,
И оставляют все меня.
Тяжёлый груз моих печалей
Мне до утра не даст уснуть.
Я завершаю долгий путь.
Под солнцем всё начать сначала
Никто не волен. Властелин,
Вершитель судеб человеческих –
При лунном свете я один.
Проходит всё. Ничто не вечно.
Смешная царская судьба:
Взвалив ярмо забот на плечи,
Чем я счастливее раба?
И я был молод, смел, силён,
Любил пиры и песнопенья.
Ко мне средь шумного веселья
Хвала неслась со всех сторон,
Что не по возрасту умён.
Постиг я мудрости уроки,
Мир возлюбил, презрел войну
И не был злобным и жестоким,
Но укреплял, как мог, страну
И мелкие прощал пороки
Двору и дому своему.
А женщины – их было много:
Нежны, милы и хороши.
Они прошли моей дорогой,
Не опалив моей души.
Душа осталась недотрогой,
Всё той же девственницей строгой.
И понял я в тиши ночной
Под шорох хриплого дыханья,
Что все мы поздно или рано
Уйдём дорогою одной
Помимо нашего желанья.
Венец терновый мрачных дум
Не даст вздремнуть на мягком ложе.
Кто честь и славу приумножит?
В чьи руки земли попадут?

Кто, избежав сражений, сможет
Не принести в страну беду?
А если он – наследник мой
Во зле и глупости утонет,
Львам иудейским спину сломит?
Весь труд мой станет суетой,
За ветром тщетною погоней.
В суетных днях моё лицо
Увяло, как цветок без влаги.
На лбу, вдоль щёк – морщин овраги.
А на руке моей – кольцо,
Где старца мудрого резец
На все сомненья дал советы:
У всех начал один конец.
Проходит всё. Пройдёт и это.
Стал ясен мне простой секрет:
Премудрость, глупость – всё едино.
Зачем я столько трудных лет
Творил, старался? Ради сына?
Детей – без счёта. Сына нет!
А ветер с севера идёт,
Потом, кружась, несётся к югу.
И наша жизнь летит по кругу:
Вчера, сегодня, через год.
Утраты, скорбь и огорченья –
Повторит всё времён теченье.
Всё – суета, водоворот.
И всё, что будет, было где-то.
А за зимою снова лето
Откроет новым будням счёт.
Обломки храмовых колон
Среди разрушенных мгновений
Торчат, засыпаны песком,
Укрыты пеплом. Но потом
Свершится смена поколений.
Иной язык. Другие люди.
И новый храм. И новый дом.
Потомки предков позабудут.
Пустых мечтаний не остудит
Былых ошибок трезвый глас.
Но, к сожаленью, всё, что будет,
Уже свершалось много раз.
Покой душевный не найти.
За летом вслед наступит осень.
И нет ответов на вопросы,

И нам неведомы пути,
По коим суждено идти.
Но всё равно Всевышний спросит
За каждый шаг, за каждый день,
За нашу глупость, ложь и лень.
Расколет время мой кувшин,
Шнурок серебряный порвётся.
И я увижу дно колодца
Взамен сияющих вершин.
И золотая чаша вдруг
Со звоном выпадет из рук.
Я соберусь в последний путь,
Как все живущие, земные.
Но только капли дождевые
На очи мёртвые падут.
Вот жизни хрупкая ладья
Уйдёт с последнего причала
В холодны мир небытия,
Где нет конца и нет начала,
Где только Вечность, Бог и я...

Яков Меренбах прочёл стихи из «Бат Ямбы» №6

СМЕЛЯНСКИЙ БОРИС

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Хирам был медником у Соломона,
Скульптуры он ваял в своих салонах,
Был скроен ладно, с миловидной рожей,
Сам Аполлон был на него похожий.
Однажды царь сидел под кипарисом

И наворачивал индюшку с рисом.
У ног его ну, как прибрежный риф,
Ютилась в сари светлом Суламифь.
С улыбкой злою на царя глядела,
Но трапезу его прервать не смела.
Голодный царь подобен зверю был,
Хотя и очень Суламифь любил.
Насытившись, царь подобрел немного,
И Суламифь вздохнула: «Слава Богу!
Теперь могу его я попросить,
А, может, в чём-то даже убедить...»
Приветливого подождавши взгляда,
Поднявши сари, оголив часть зада,
Плутовка ближе к Соломону подошла
И начала просить его, юля:
«О, царь царей, о, мудрый Соломон,
Сегодня ночью мне приснился сон,
Ваял меня из меди сам Хирам,
Я видела себя, подобную Богам»
«Ваял и только, - вспыхнул Соломон.
Когда он ревновал, то был взбешён, -
Ты собралась позировать ему.
О, никогда. Уж лучше я умру».
«Ну, что ты, - испугалась Суламифь, -
Ведь это сон, всего лишь это миф.
И что плохого в том, что я прошу:
Свою красу я в меди воплощу!»
«Ну, что ж, - подумал мудрый Соломон, -
Какой-то в этом, может, есть резон.
Ваять тебя не будет мой Хирам,
На свете очень много разных стран.
В них медников навалом, всех не счесть
Притом достойнее Хирама даже есть.
Доверюсь им: арапу ли, арабу,
Пускай ваяют эту бабу».

ШЕХТЕР ИНГА

* * *

Вы же меня не оставите
Здесь, безнадежно любя?
В мире разлук, где вы правите,
Много таких же, как я.
Я бы дождями осенними

Вас возвратила домой,
Или птенцами весенними
Вслед закричала: - Пстой!
Вы же меня не оставите
Ждать у дверей допоздна,
И в пустоту не заставите
Тихо смотреть из окна.
Я бы травую высокою
Встала на вашем пути,
Или рекою глубокою,
Чтоб не смогли вы уйти.
Вы же меня не оставите
Вдрагивать пламенем свеч.
От дуновения, знаете,
Трудно огонь уберець.
Я перелётными птицами
Буду искать с высоты,
Меж незнакомыми лицами
Только лишь ваши черты.
Вы же меня не оставите
В этой мансарде пустой,
Перед людьми не ославите
И позовёте с собой.

**Берта
Клебанова**

МОЙ ГОРОД

Нет водопадов, с гор летящих,
Есть просто город в серебре.
Есть просто площадь,
«Площадь павших».
Геройски павших на войне.
Есть шум цехов,
Есть гул моторов,
Есть летний сад,
Сирень в саду...
И люди, люди, без которых
И дня прожить я не могу.

ЧУДО-СОН

Мне такой приснился сон
Ну не сон, а чудо!
Раздавала счастье я
Всем хорошим людям.

У меня того добра
Лет на сто иль двести!
Половину отдала
Жениху, невесте,
Юноше и старику,
Детям и старушкам...
По дороге занесла
И своим подружкам.
Одарила всех, любя,
Не забыла и себя.

**Яков
Меренбах**

* * *

Утро в мае.
Первый гром,
Пламя пахнувшей сирени.
Как чиста и откровенна
Радуга на голубом!
Блеск дождинок на траве,
На листве –
бери руками.
Сколько чуда в этой гамме -
В дерзости и волшебстве!
Умываюсь.
В тишине
Зелень за окном и свежесть.
Так дари, весна, всё те же
Песни жадных красок мне!

**Галина
Феликсон**

НОСТАЛЬГИЯ

Издалека всё кажется иным.
Предав забвенью прежние надежды,
Евреи плачут по просторам снежным,
По горечи покинутых рябин.
Копаясь в ностальгической золе,
Вчерашний жид стал ярим патриотом.
Тяжёлый дух советских подворотен
Во всю бушует на Святой Земле.
Здесь перегаром водочным дыша
(Проклятые хамсины виноваты),

На языке классического мата
Кричит в евреях русская душа.
Воистину нет худа без добра!
Забыв отъезда спешного причины,
Еврей бубнит, жуя кусок свинины:
- Как упоительны в России вечера.
Блуждая в прошлом разумом больным,
Еврей рыдает о былых «Пенатах»
И носит крест под майкою измятой.
Издалека всё кажется иным...

**Александр
Циановский**

БОМЖ НА ПЛЯЖЕ

Кем был я, кем стал и кем стать бы я мог –
Давно не тревожит, не думаю даже.
Подальше от шума, совсем одинок,
Зарыв глубоко своё тело в песок,
Лежу – загораю на пляже.
Так час я валялся, а, может, и два
Вдали от людской суматохи.
Тепло. Безмятежно. Пуста голова.
Внезапно услышал я рядом едва –
Едва уловимые вздохи.
Я их поначалу не принял всерьёз.
Ну, вздохи как вздохи. Подумал, однако:
«Кому я тут сдался? Кого чёрт принёс?»
Вокруг огляделся - ободранный пёс
Уселся и смотрит. Собака.
Поблекла её благородная масть,
Остались одни серо-бурые пятна.
Прерывисто дышит беззубая пасть,
Но взгляд... В нём какая-то добрая власть.
Мне всё в нём до боли понятно.
Она улыбнулась обрубком хвоста
Лукаво моргнула: «Держись, мол, дружище!»
Когда мы вдвоём, то беда – не беда.
Я снова почувствовал: есть доброта,
Да только не там, где мы ищем.
С почтеньем сказать бы ей: «Будьте добры,
При мне поживите». Но вот незадача:
Мы очень похожи. Мы очень стары.
Своей не имею и я конуры.
Такая уж доля собачья.

**Рафаэль
Исмаилов**

КТО ХИТРЕЕ?

По лесу пронеслась молва:

Какой то Ёж - нахал

Из кассы миллиона два

Украл и закопал.

Когда он был под стражу взят,

То судьи собрались.

К нему явился адвокат,

Известный хитрый Лис.

- Могу я выручить тебя, -

Промолвил нежно он.

- За это, полагаю я,

Ты дашь мне миллион.

Согласье получив с того,

Лис тихо продолжал:

- Тверди: «Не помню ничего,

Я с дерева упал».

И вот судья сказал: - Ну что ж,

С кем деньги воровал?

- Нет памяти, - ответил Ёж,

Я с дерева упал.

- Ты не увиливай, скажи,

В каких таких краях,

Где бы нормальные Ежи,

Сидели на ветвях?

Где деньги. Не дури, подлец!

Куда их подевал?

-Я память потерял вконец,

Как с дерева упал.

Ёж продолжал одно твердить:

Мол, голова болит.

Его решили отпустить.

Признали: инвалид.

Тут Лис: - Ну, денежки гони,

Плати, что обещал.

А Ёж: - Не помню, извини,

Я с дерева упал.

НЕ ДОЖДАЛСЯ

У буйвола, как-то, был вид нездоровый.

Коровы решили, что он заболел.

Примчался по вызову врач участковый,
Анализы сдать на проверку велел.
С тех пор у него появилась забота,
Сдавал на анализ и кровь, и мочу.
Когда беспокоило буйвола что-то,
Бежал на проверку к любому врачу.
Входил в кабинет под табличкой «Онколог»,
Просил подтвердить, что болезнь не рак
И даже зашел, где сидит гинеколог,
Оттуда прогнали, сказали: - Дурак!
Сомненья закрались у Буйвола где-то;
Напрасно всю жизнь по больницам ходил.
И чем заболел, - не дождался ответа,
Узнать результаты больной не дожил.

БЕДНЫЙ ЕНОТ

Над бедным Енотом любили шутить.
Над ним даже лошади ржали.
Мечтал он однажды машину купить:
Сигналить и жать на педали.
Без отдыха долго трудился, как Вол,
Работал, порою, ночами.
И вот, наконец, лимузин приобрел
С надежнейшими тормозами.
Сдавал на права, но известно везде,
Царят баснословные цены.
Шакалы Енота учили езде,
Зачет принимали Гиены.
Но с первой попытки никто не сдавал,
Ему не везло со второю.
Он долго пытался. Машину продал,
Надежда осталась мечтою.
Ногами приходится нынче ходить,
Нет денег, протерты штанины.
Он, правда, теперь научился водить,
Зато нет ни прав, ни машины.

Константин Баскович прочёл свои стихи:

Не на что опереться

когда сердце ушло остриём в сентябрь,
и руки пытаются сгрызть всю память,
и нету ни лёгких, ни лёгких-жабр,
в тяжёлом, кирпичном здании «Заводь»...
и ни ветер, ни мокрый асфальт не скажут
времени и пути за правдой,
в которой листья по кругу пляшут
и вход, где пахнет еда отравой...
и несколько вклинившихся словечек,
в поток, лишённый любой из речи,
может быть опереться на это,
когда ты липовый человечек,
осенью, с почерком свечек,
в окнах старого центра..?

Тамара Сологуб-Кримонт прочла свои стихи:

ЮНЫЙ ПУШКИН

Еще глаза горячие
Блазнят прелестных дам,
и вольность не утрачена,
и он повсюду зван,
еще и пыл беспечности,
и робости прилив,
и многотомность вечности
стихи не обрели,
и страсти африканские
в Михайловских лесах
с Ариныными сказками
рифмуют чудеса,
еще долги не розданы,
а слава и борей
не остужают бронзою
живой разброс кудрей,
не надломился век ещё
на цифре 37,
своё оплакав детище.
Еще не ясно всем:
Как в зимах – спит распутица,
как в смехе стынет грусть,
так век поэтом сбудется,
и будет длиться Русь.

ПАРОДИСТУ АЛЬБЕРТУ ЗАБОРЦЕВУ

**Вы обещали мне пародию вчера,
ну что ж, рискну, не помышляя о защите,
вот сборник мой, пожалуйста, ищите
поживу для кровавого пера.
Вы обещали мне пародию вчера,
а нынче вашими глазами пародиста
я строго и с придирчивостью истой
стихи свои читаю до утра.
Вы обещали мне пародию вчера!
Я вижу, будет Вам сполна, чем поживиться:
И фразы неуклюжие и лица!
Давай, вампир! Качай свои права!
Вы обещали мне пародию вчера.
Напейтесь кровушки, чтоб этим вдохновиться.
Вперед, вампир! Ассенизатор! Рыцарь –
губитель графоманского двора.**